

Вырезка из газеты

ТРУД

23 АВГ 1984

г. Москва

БЕСЕДЫ В МАСТЕРСКОЙ

Александр ЖУРБИН:

МИР МУЗЫКИ БЕЗБРЕЖЕН...

Композиторское творчество А. Журбина встречает особый интерес у молодежи. Вот почему именно с ним мы решили побеседовать о молодежи — «по обе стороны рамы» — и о создателях музыки, и о ее поклонниках.

— Что касается «создателей», то складывается впечатление, что некоторые молодые композиторы и исполнители стремятся прежде всего не выразить себя, а поразить, ошеломить.

Совсем недавно на концерте рок-группы я был просто подавлен невыносимой громкостью звучания. Возможно, такое звучание годится для площадей, но в помещении — это кромешный ад. Наверное, это способ возбуждения. Но возбуждения, как мне кажется, совсем не тех чувств, которые идут от сердца и разума. А может, демонстрация усиливающих звук возможностей электронной аппаратуры?

— Я сам пишу и в стиле рок-музыки тоже и совершенно уверен, что ей доступно весьма серьезное осмысление.

Что касается громкости... Да, перекося в децибелах есть. Однако, если вы заметили, в зале наверняка было очень мало пожилых людей.

С возрастом диапазон интересов расширяется. В жизнь человека приходят Бах, Брамс, Шостакович. Естественная эволюция.

— Ваш «возрастной» подход, возможно, резонен. Но, видимо, истину надо искать и в самой музыке, а не только в возрасте.

— Истина, конечно, в музыке. Но ведь музыка безбрежна. Я понимаю, что даже самую выдающуюся песню нельзя поставить в один ряд с 9-й симфонией Бетховена. Так и не надо ставить! Разные степени глубины, иной уровень общения. Но разве прекрасная песня не прекрасна?

У каждого жанра музыки свои законы. Им надо следовать. Надо быть мастером жанра.

— Вот! Может быть, тут источник бед? Несметное количество ВИА по большей части вышло из самодеятельности. К чему мы порой относимся не без умиления. Но ведь, скажем, ныне выдающийся певец Мария Биешу, дошедшая всех на уровне самодеятельности, пошла учиться в консерваторию, а не стала петь «как получится». Большинство же ВИА, вырвавшись на профессиональную эстраду, просто поражают откровенной «самодеятельностью». Всевозможные ВИА живут, никем не управляемые, никем не обучаемые. Но даже большому таланту нужна школа.

— Да, это беда. От многочисленных шумовых оркестров под маркой ВИА я просто в панике. Вы удивляетесь — почему же им дают ход? Велика потребность в гастролирующих коллективах, страна-то огромная. Вот широкий спрос и понуждает иной раз быть неразборчивым к предложениям. Так дурной вкус и распространяется. Пролезают и чуждые нам поделки. Я терпеть не могу, скажем, панк-музыку. Это отвратительное явление: примитивная, оглушающая музыка. А неподготовленный человек может принять ее за «новое слово».

Мы должны воспитывать вкус людей, направлять его, бороться с вредными, безвкусными веяниями. Очень важный, сложный вопрос. А иные классные, авторитетные профессионалы сторонятся всего этого. В каждом Союзе композиторов есть пе-

сенная секция, в которую входят опытные мастера. Однако иным из них, видимо, проще делать вид, что этого явления нет и такой музыки нет. Но природа не терпит вакуума. Вот «вакуум» иной раз и заполняется чем придется. Я думаю, что как минимум надо ужесточить конкурс, который дает право выхода на эстраду. Поднять художественный ценз на это право.

Но для этого, конечно, нужны подлинные образцы музыкальной культуры — с кого брать пример, на кого равняться.

— Александр Борисович, в жанре, о котором мы с вами говорим, частенько приходилось сталкиваться с пустой многозначительностью текстов и безвкуснейшей исполнением. Я говорю даже не о звуковых и световых эффектах, а об эмоциональном надрыве. Самые смиренные песни о тумане над рекой превращаются в шквал звуков. Бедняги надрываются и захлебываются на мелком месте.

— Да, рок-музыке иногда не хватает подлинных страстей, когда уходишь потрясенным, но просветленным. Заурядная песня в привычном исполнении еще терпима. А вот манера рок-музыки как бы «укрупняет» подобную заурядность, и это уже режет слух.

Очень важно поддерживать тенденцию к серьезности содержания. Однако не менее важно, чтобы эта серьезность не оборачивалась «серьезничаньем» или, как вы сказали, глубоко мыслием на мелком месте.

Я об этом знаю не с чужих слов, а на собственном опыте. В свое время написал рок-оперу «Орфей и Эвридика». Она мне доставила удовлетворение, и судьба ее счастлива. Ансамбль «Поющие гитары» исполнил ее около двух тысяч раз. Пластинка с ее записью до сих пор переиздается. В балетной версии она идет в нескольких театрах нашей страны. Это было счастливое совпадение музыки и серьезного литературного материала. После этого я взял довольно броский сюжет и написал еще одну оперу. Но подвела именно слабость замысла, литературной основы. Опера не выдержала ни испытания временем, ни испытания моего к ней отношения.

Да, очень важен литературный первоисточник, исходная идея. Сейчас у меня вышла новая, удачная, на мой взгляд, пластинка — «Два портрета» на стихи М. Цветаевой и В. Хлебникова.

— Вот что хотелось бы в заключение заметить. Около литературы есть такое понятие, как графомания. Смысл термина понятен. Так не кажется ли вам, что среди композиторов и исполнителей именно рок-музыки несколько многовато именно «графоманов»?

— Весьма кажется. Но только четко отлучим плохих исполнителей и плохих композиторов от хорошей рок-музыки. Она за них не в ответе.

Думаю, что музыкальная культура завтрашнего дня — это синтез классического наследия и современной музыки. Не современная переработка классического наследия, а именно синтез. Симфоническая музыка станет более демократичной. А популярная будет стремиться к большей глубине и значительности содержания.

Возможно, это не бесспорно. Но я так думаю.

Беседу вел Ю. КНЯЗЕВ.